

«Сливки» общества»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Это были люди от 15 до 20 лет. Люди старше 20 о нас и слыхом не слыхивали, их это не интересовало. С сегодняшней популярностью ту «подпольную» популярность сравнивать бессмысленно. В личностном отношении. Так что это очень искаженное представление о том времени.

— В начале вашей музыкальной карьеры рок-музыка была едва ли не единственным средством борьбы с социальными «ядами». Теперь в эту вотчину вторглись пресса, ТВ. Ну, а что остается рок-музыке, ведь многие из них ничего больше не умеют делать!

— Это обратная сторона

что-то потерял!

— Не знаю... Честно говоря, у меня на самоанализ времени не остается. Да и не люблю я копаться в самом себе.

— Ну, а друзей ты терял!

— Нет, скорее приобретал.

— У тебя много друзей?

— Много.

— Как ты считаешь, за что мы их ценим?

— Друзей? За верность, за честность, за то, что мы их любим.

— Вас всегда принимают так же здорово, как сегодня в Минске!

— Ну, вообще-то, да. Где-то поинтеллигентнее, где-то «поурловее», но в принципе всегда неплохо.

— Кстати, а сколько человек «проехало» в «МВ» за все вре-

«А ПОТОМ, ЗА СТОЛОМ, — О БЫЛОМ...»

уродливости нашей рок-музыки. Из-за того, что она росла черт знает в каких условиях, под постоянным прессом, она выросла кривоножкой. Теперь вроде... [с язвительной усмешкой]. В любой стране мира рока на ТВ гораздо меньше, нежели у нас. В Америке есть MTV, а остальные 60 каналов рок-музыку не дают вообще. Она интересует не очень большое количество людей.

— Ну, наша-то рок-музыка там вообще никого уже не интересует!..

— Да о чем вы говорите... Наши группы ездят в те же Штаты просто... покатаются с севера на юг, на жизнь посмотрят, но уж никак не себя показать. Бесполезно.

— Андрей, известный критик Артем Троицкий в одной своей статье 15 лет назад обозвал «МВ» «самой слабой в исполнительском отношении» из всех московских рок-групп. Ты не очень на него обиделся?

— Я думаю, что 15 лет назад мы, действительно, были не самой сильной в техническом отношении группой. Были группы и посильнее. Но, безусловно, мы были не самыми слабыми. Мы брали не техникой, а словом, живым русским словом.

— Андрей, ты чувствуешь с годами, что растешь в музыке, в поэзии!

— Ну, в поэзии, пожалуй, да. Наверное, с годами я стал интереснее.

— Ты несколько раз снялся в кино, но эти фильмы стали популярны только благодаря твоему в них участию. Как ты сам относишься к ролям, к экранной жизни?

— Я не должен оценивать то, что я делаю. Это вы должны оценивать, зрители должны...

— А в порядке самокритики!

— Но это же для меня. Глупо что-то создавать, а потом, самому же все раздолье.

— А есть за что долбить!

— [С улыбкой]. До конца я не был доволен ролями, которые сыграл в кино.

— Андрей, ты со временем

ее существования!

— Человек 27, наверное. В основном, в первые годы. За последние лет десять всего два человека сменилось.

— Андрей, что побудило тебя взяться за мемуары. Чувствуешь наступление старости!

— Ну и слово нашли — мемуары. [С усмешкой]. Я не считаю «Все очень просто» мемуарами — это рассказы такие смешные. А зачем написал? А чтобы не давать вообще интервью. Возьмете книжку — и раз и навсегда узнаете, как все это было. Кстати, моя книга очень скоро выйдет отдельным изданием, там же будет подборка стихов, написанных в разные годы...

— Андрей, если бы у тебя изначально не обнаружилось музыкального слуха, чем бы ты занимался?

— А почему вы решили, что он вообще у меня есть... Не знаю, рисовал бы, наверное.

— Что ты больше всего любишь [кроме музыки, конечно]!

— Люблю массу разных вещей: плавать под водой, походить по лесу, посидеть с друзьями, прокатиться на горных лыжах, послушать хорошую музыку, поехать на хорошем автомобиле... Но на все это у меня просто нет времени.

— А хороший автомобиль у тебя есть?

— Есть вроде...

— Что значит — вроде?

— Ну, по нашим меркам он хороший.

— Непосредственно очень личный [для нас, журналистов] вопрос. Мы [журналисты от Минска до Владивостока] тебя очень دوستали!

— Очень. Я не сильно жалую ваших коллег, ибо большинство из них — дилетанты, причем воинствующие дилетанты, что иногда усложняет нам жизнь. Да и вообще... Четыре года назад ваши коллеги из «Черной звезды» поместили в своей газете мой плакат с... указанием адреса и домашнего телефона. Вы представляете, как я после этого жил...

— Фото Игоря МАКАЛОВИЧА.

14 декабря 1991 года.

«И В БУРЯХ ПЕРЕДРЯГ СТАНОВИМСЯ СИЛЬНЕЙ...»

Так почему же Андрей Макаревич не очень дружен с прессой?

«Ругу из синей птицы»

«В заключение хочется сказать еще об одной детали, явственно проявившейся именно в «Машине времени». Прежде всего это инфантильное «под детство» звучание голоса, в любой момент использующее минсовые, фальцетные оттенки.

В сочетании с усами и бородами артистов эта манера пения полностью перечеркивает мужское начало в исполнении и в художественной позиции. Услышав нормальный мужской голос в подобном роде ансамблях стало просто проблемой. Мужчины! Пойте по-мужски!»

Н. КРИВОМАЗОВ, «Комсомольская правда», 11 апреля 1982 года.

«Фальшивая душа» (о фильме А. Стефановича «Душа»)

«Очень не хочется, чтобы из сказанного кто-нибудь сделал вывод, что вот, мол, автору вообще не нравятся никакие ВИА... В спектакле Театра им. Ленинского комсомола тоже играет достаточно громкий ВИА (имеется в виду группа «Аранс» — Прим. С. О.). Но при всех моих претензиях к этому спей-

таканно) там его звучание оправдано прекрасным анкетом Н. Караченцовым... — кажется, что громкость ансамбля рождена эмоциональностью игры актера, что иначе просто нельзя. А если вспомнить еще, что и тексты песен там подлинно художественные, чего не скажешь о песнях «Машини времени» в «Душе», то все окончательно встает на свои места. Конечно же, ВИА вполне уместны как один из элементов нашей музыкальной культуры, но именно культуры, а не повышения шумового фона окружающей среды».

Ю. СМЕЛКОВ, «Комсомольская правда», 29 августа 1982 г.

«Время колокольчиков»

«...Гораздо больший след в истории оставили те, кто пытался изобрести собственный актуальный репертуар. В создаваемых ими образах переживались все (...) геральдические цветы хиппиства. Прежде всего, это предельная возвышенность, аллегоричность и романтизм. Программы «Машини времени», талантливейшей группы этого поколения, песни на настенный голбел; замки и корабли с парусами не

В 1976 ГОДУ случилось событие, открывшее новые горизонты в жизни «Машини времени», — нас вдруг пригласили в Таллинн на фестиваль «Таллиннские песни молодежи-76». Организовал это ЦК ЛКСМ Эстонии, и название фестиваля носило отпечаток эдакого комсомольского камуфляжа — это, конечно, был рок-фестиваль, — но слово пока было запрещенное. Не помню, с помощью какого финта мы заполучили бумагу, где говорилось, что нас командироват на фестиваль. Мы ехали туда, как на самый главный праздник в своей жизни. К радости примешивалась робость: мы слышали, что в Эстонии музыкальная жизнь куда свободнее, чем в России, и что там очень сильные группы.

Поразило сразу все: красота и чистота таллиннских улочек, вежливость и серьезность ме-

же. Он со своим «Аквариумом», который тогда представлял собой милый акустический квартет, явился в Таллинн без всяких приглашений и чуть ли не пешком. И им разрешили выступать! По законам московской жизни это было невозможно себе представить...

...Грянул фестиваль. Эстонские группы оказались действительно сильными, но какими-то замороженными, что ли. В их музыке было все, кроме того, что заставляет тебя притопывать ногой в такт, помимо собственной воли. Москву представляли мы, блюзово-рок-н-рольное «Удачное приобретение», Стасик Намин с группой из двух человек (Слизунов и Никольский). Из Ленинграда приехали «Орнамент», тот же «Аквариум», кто-то еще, из Горького — группа «Время». Остальные команды — из При-

балтики. Концерты шли днем и вечером — по три-четыре группы в каждом. Мы выступали вечером первого дня. Не знаю уж, в каком приподнятом состоянии духа мы пребывали, но зал аплодировал минут десять — было ясно, что это победа (к полной нашей неожиданности, кстати: у нас ведь до этого не было возможности сравнить себя с другими командами, кроме московских). Не знаю, что тут работало, — то ли наши песни, сделанные из очень простой музыки, то ли слова, то ли странное сочетание бит-группы со скрипкой, а может, наш «завод», у прибав-тот отсутствовавший. Наверно, все вместе...

Андрей МАКАРЕВИЧ

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

(Отрывок из книги)

стных комсомольцев, покрытых сильным рок-н-рольным налетом, — очень они были не похожи на привычных, в галстухах и с бегающими глазами. Еще поразило то, что у входа в зал Таллиннского политехнического института, где проходил фестиваль, нет толпы: оказываются, билеты давно проданы, а воспитанная эстонская молодежь не станет без толку ломиться, раз билеты все равно кончились. Это казалось невероятным. У нас-то в Москве все было иначе: самый верный способ создать толпу — это сказать, что билетов уже нет.

Мы приехали в Таллинн поз-же остальных участников, оказалось, что все гостиницы уже заняты, и нас повезли в какое-то студенческое общежитие, оставленное как резерв. Мы по гостиницам еще никогда не жили и никаких претензий не имели: настроение было необыкновенно приподнятое, во всем ощущалось преддверие какого-то счастья — настоящий рок-фестиваль и почти за границей. Ехали мы в эту общагу почему-то троллейбусом, в котором нам представились необыкновенно интеллигентного юношу в овчинном тулупе, явно студенческого вида, с милой спутницей и гитарой в матерчатом мешке. Звали юношу Боря Гребенщиков.

В общагу мы приехали сильно продрогшие и тут же предложили ему согреться нервно-паралитическим — наш звуко-режиссер Саша Катамахин производил это адское пойло путем настаивания чистого медицинского спирта на большом количестве стручкового красного перца, привезенного специально для этой цели из Ташкента. Он всегда возил этот динамит с собой — якобы на случай простуды кого-нибудь из нас. Повод был достойный. Согрелись мы основательно и, кажется, заснули по дороге к койкам, а Боря — по дороге к своему номеру, которого у него, кстати, так и не оказалось. Боря нам очень понравился. Мы ему, по-моему, то-

же. Он со своим «Аквариумом», который тогда представлял собой милый акустический квартет, явился в Таллинн без всяких приглашений и чуть ли не пешком. И им разрешили выступать! По законам московской жизни это было невозможно себе представить...

Уезжали мы из Таллинна, пьяные от счастья и коктейля «Мюнди», увозя с собой бесценную бумагу, подписанную секретарем ЦК ЛКСМ (ну, и что, что Эстония?), где говорилось, что мы не враги народа, а, напротив, художественно и идеологически выдержанные и заняли первое место на советском молодежном фестивале. Эта бумага виделась нам спасательным кругом, на котором еще долго могла продержаться наша безопасность в московских джунглях. Еще мы увозили обещание Борки пригласить нас сыграть в Питер: по его рассказам, там шла подпольная, но совершенно роскошная рок-н-рольная жизнь.

В Питере мы оказались очень скоро. Нас встретили, как героев. Это было приятно. Дружеское хипповое, какое-то немосковское подполье, очаровательный, едва уловимый ленинградский акцент, кофе в «Сайгоне» — все было великолепно! По первому ощущению, питерская тусовка чувствовала себя куда свободнее московской и весьма этим гордилась. К вечеру, уже несколько набравшись, мы большой волосатой толпой двинулись на сешн в ДК Крупской. Он оказался где-то почти на окраине (как мне показало), но — фантастика! — милиции не было! Первой играла команда с названием «Зерка-

чем в Москве. А теперь они вышли на сцену с духовой секцией — трубой и саксофоном! Дудки победно сверкали. С первыми аккордами я понял, что нам конец, — если два года назад они меня поразили, то я не знаю слов, чтобы описать теперешнюю реакцию. Я был растоптан. Помимо всего прочего, у «Мифов» напрочь отсутствовала сценическая зажатость старательности, столь характерная для московских групп и, наверно, для нас самих. На сцене стояли абсолютные отчаянные, жизнерадостные нахалы, явно торчавшие от собственной музыки. Пианист Юра Степанов время от времени оставлял инструмент и пускался вприсядку. В зале творилось невообразимое. Маргулис уже задвинул свою бас-гитару ногами куда-то под кресла и заявил, что если после «Мифов» я хочу видеть его на сцене, то для начала придется его убить. Поздно! «Мифы» доиграли свой последний хит, пригласили на сцену «Машину времени», и их труба-чи грянули какой-то бравурный марш. Не выйти было нельзя. Не помню, как мы с Сереем выволокли Маргулиса за кулисы. Занавес закрылся на пять минут — ровно столько, чтобы попытаться настроить гитары, воткнуть их в аппарат и выяснить, какая песня первая. Тряпку раздернули, я зажмурился, и мы грохнули «Битву с дураками». Я выжимал из себя и из гитары все. Я не раскрывал глаз до конца песни — мне было страшно. Последний аккорд потонул в таком реве, что глаза открылись сами собой. Впоследствии я никогда не видел, чтобы пятсот человек могли издать звук такой силы. Страх улетучился мгновенно. Были сыграны «Ты или я», «Флаг над замком», «Черно-белый цвет», и я почувствовал, что надо уходить, потому что у человеческих эмоций есть предел и следующую песню «Звал уже с таким накалом встретить не сможет просто физически».

342